

Специфика геномных правоотношений

Олег А. Пучков

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация

Современное развитие биологической науки, медицины и права, сопровождающееся междисциплинарным взаимным «вторжением» указанных наук в сферу технологических манипуляций с геномом человека, обусловило потребность в адекватном правовом регулировании этих процессов. В статье рассматриваются основные аспекты развития геномных правоотношений в рамках биосоциальных и политико-правовых аспектов современного гуманизма. Автор утверждает, что геномные правоотношения постепенно приобретают универсальную форму нормативности, присущую современному этапу биосоциального развития, при этом важным направлением современного гуманизма является проблема свободы выбора, защиты достоинства человека и повышения его сознательности в области использования современных медицинских достижений. Биюриспруденция в современном мире должна развернуться в сторону биомедицинских технологий, таких как клонирование, использование стволовых клеток, эвтаназия и геномный облик человека. Сделан вывод о том, что биюриспруденция как отрасль правовых знаний является безусловным прорывом в этой сфере.

Ключевые слова: геномные правоотношения, геном человека, биюриспруденция, право, биоэтика

Для цитирования: Пучков, О.А. (2024). Специфика геномных правоотношений. *Lex Genetica*, 3(2), 7–21. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2024-3-2-7-21>

Поступила в редакцию: 10.05.2024

Получена после рецензирования и доработки: 02.06.2024

Принята к публикации: 10.06.2024

Email: puchkov@mail.ru

Peculiarities of Legal Relations in Genomics

Oleg A. Puchkov✉

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract

The intertwining of technological manipulations of the human genome with other contemporary developments in biological science, medicine and law results in the need for adequate legal regulation of these areas. The article considers the development of legal relations in genomics within a humanistic biosocial and political-legal framework. Genomic legal relations are shown to gradually acquire a norm-referenced nature inherent in the present stage of biosocial development. Important current questions in humanistic thought include freedom of choice, protection of human dignity, and the development of awareness in the use of modern medical achievements. Due to the need to consider biomedical technologies, including cloning, the use of stem cells, euthanasia, and genetic profile of a person, contemporary biojurisprudence is fast becoming a cutting-edge field in the development of legal understanding.

Keywords: genomic legal relations, human genome, biojurisprudence, law, bioethics

To cite this article: Puchkov, O.A. (2024). Peculiarities of legal relations in genomics. *Lex Genetica*, 3(2), 7–21 (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/lexgen-2024-3-2-7-21>

Received: 10.05.2024

Revised: 02.06.2024

Accepted: 10.06.2024

Введение

В любом обществе действует система законов, формируемая государством и называемая в обществе «правом». Она состоит из норм (правил поведения), которые, действуя на сознание и волю людей, регулируют поступки последних в определенных рамках и направлении. Если норма права — абстрактное правило поведения, то право-

отношения — конкретная юридическая связь между лицами и организациями.

Если рассматривать все ключевые категории теории права, то можно убедиться, что категория «правоотношение» входит в данный перечень, занимая в нем значительную позицию. Через исследование категории «правоотношение» мы можем увидеть механизм воздействия права

✉Email: puchkov@mail.ru

на поведение людей. Правоотношения — вид общественного отношения, конкретизирующийся наличием нормативного регулирования, а также наличием субъективных прав и юридических обязанностей его участников.

Для возникновения геномного правоотношения необходимо наличие определенных предпосылок, таких как: 1) наличие необходимых юридических установлений; 2) наличие у граждан, претендующих на участие в данных правоотношениях, соответствующего правового статуса и правоспособности; 3) наступление реальных жизненных обстоятельств (фактов действительности), которые были предусмотрены в нормах законодательства.

Предпосылки геномных правоотношений делятся на абстрактные и конкретные разновидности.

Абстрактные предпосылки представляют собой правовые нормы, которые относятся ко всем юридическим лицам (организациям, учреждениям и т.д.), гражданам (физическим лицам), осуществляющим геномно-инженерную деятельность, и правоспособность, которая представляет собой юридическую (т.е. признанную законом) возможность любой организации или физического лица осуществлять эту самую геномно-инженерную деятельность.

Конкретной предпосылкой возникновения геномного правоотношения являются имевшие место в действительности реальные действия конкретного субъекта (специалиста, научной или медицинской организации), связанные с манипуляцией с геном, которые предусмотрены нормами

права названного федерального закона. В этом случае мы можем говорить о наступлении конкретного юридического факта и установившихся в результате правовых отношениях. Например, ст. 10 Федерального закона «О государственном регулировании в области геномно-инженерной деятельности» от 05.07.1996 № 86-ФЗ¹ (далее также — ФЗ «О государственном регулировании в области геномно-инженерной деятельности») требует от юридических и физических лиц, осуществляющих геномно-инженерную деятельность, предоставлять заинтересованным лицам информацию об уровне риска и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности геномно-инженерной деятельности. Если данное требование будет выполнено, то мы можем заключить, что на основе нормы права (абстрактная предпосылка) и высказанного интереса заинтересованных лиц (конкретная предпосылка — юридический факт) возникло правоотношение. Участниками данного правоотношения являются: юридическое лицо, оказывающее услуги в области геномной инженерии, граждане и организации, нуждающиеся в соответствующей информации.

Если перейти к специфике, очевиден тот факт, что геномные правоотношения развиваются в рамках биосоциальных и политико-правовых аспектов современного гуманизма. Важным направлением современного гуманизма является, на наш взгляд, проблема свободы выбора, защиты достоинства человека и повышение его сознательности в области потребления современных медицинских достижений.

¹ Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области геномно-инженерной деятельности» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/10135402/>

В контексте гуманизма важно учитывать права и интересы человека, а также обеспечивать справедливость и равенство в доступе к геномной информации и технологиям. «В юриспруденцию проникли достижения биотехнологии и биомедицины, что с необходимостью потребовало осмыслить их в категориях и понятиях юриспруденции. В конечном счете наличие подобных объективных взаимосвязей биологии и юриспруденции привело к формированию концепции нового направления в праве и юридической науке – биоюриспруденции» (Корнев, 2021).

Биоюриспруденция как наука

Разберем понятие «биоюриспруденция» (Сальников, Стеценко, 2013), для этого обратимся к греческому и латыни. Мы можем выделить следующие составляющие:

1. Греческое «*bios*» – жизнь;
2. Латинское «*juris prudentia*» – знание о праве.

Импульсами к формированию биоюриспруденции стали как интенсивное развитие в области науки, так и внедрение этих достижений в практику медицины, технологий (Кравец, 2023). По мнению Кравца И.А., «в вопросе предназначения биоюриспруденции существуют весомые разногласия, которые затрагивают как предназначение этой сферы правового регулирования, так и обоснование самой необходимости создания нормативно-правовых регуляторов в сфере бионауки, биорепродукции, биотехнологий».

Биоюриспруденция в современном мире, зацикленная на проблемах состояния невменяемости, а также на практических вопросах, связанных с наказанием лиц, страдающих психическими расстройствами, должна развернуться в сторону

биомедицинских технологий клонирования, использования стволовых клеток, эвтаназии и в целом геномного облика человека. Безусловным прорывом в этой сфере следует считать обоснование биоюриспруденции как отрасли правовых знаний. Видится, что в современном мире биоюриспруденция играет все более важную роль, так как развитие современных биотехнологий и медицинских достижений ставит перед обществом новые правовые и этические проблемы (Colussi, 2019).

В 2013 г. В.П. Сальников и С.Г. Стеценко (2013) обосновали идею биоюриспруденции как отрасли правовых знаний, посвященной вопросам жизни человека в качестве высшей биосоциальной ценности.

Для успешного обоснования исследователи приложили достаточные усилия для разграничения своей оригинальной идеи от концепций биоэтики и медицинского права, аспектов общей теории, антропологии (философской и юридической). Более того, они доказали практическое значение и теоретическую необходимость такого разграничения с иными социогуманитарными направлениями научного знания. В своей теории они исходили из объекта и субъекта биоюриспруденции, где переплетаются биологические, медицинские, социальные аспекты жизни, где новые биомедицинские технологии своим развитием обуславливают необходимость предоставления ответов на сложные вопросы морально-этического и правового характера, констатируется наличие явлений и понятий, семантически близких к биоюриспруденции.

Основываясь на данной теории, можно определить биоюриспруденцию как новое научное направление, которое лежит в междисциплинарной плоскости, то есть

как «восприятия жизни человека в качестве наивысшей биосоциальной ценности, целью которого является обеспечение и защита правовыми способами жизни человека в связи с интенсивным развитием биологии и медицины» (Smolensky, 2006).

Безусловно, точность использования терминологического и понятийного аппарата — это важнейший показатель эффективности биоюриспруденции. В современном мире, с развитием биотехнологий и геномных исследований, эти правоотношения становятся все более значимыми и актуальными (Rendtorff, 2023). В рамках настоящей статьи остановимся на таком вопросе как специфика геномных правоотношений (Берг, Лисаченко, 2023), которые постепенно приобретают универсальную форму нормативности, присущую современному этапу биосоциального развития. Это связано с тем, что геномика и генетические технологии играют значимую роль в современной медицине, науке и обществе в целом. Поэтому вопросы, связанные с геномом, становятся обязательными для законодательного регулирования. При этом отметим, что нормативность объективно всегда противоречива, т.к. при ее формировании неизбежно сталкиваются традиционные нормы с новыми, находящимися в стадии становления.

Понятие и структура правоотношения

Как известно, правоотношение — это единство материального (фактического) содержания и юридической формы. В геномных правоотношениях, как и в любых других, юридическая форма правоотношения представляет собой субъективное право и юридическую обязанность как мера дозволенного поведения субъектов правоотношения, а материальное (фактическое) содержание правоотношения — это

фактическое поведение субъектов правоотношения. ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» закрепляет в ст. 6 различные генетические манипуляции на молекулярном, клеточном уровнях, сделки и иную деятельность, связанную с генно-инженерными технологиями.

Исходя из данного нормативного положения, использование инструментария генной инженерии является реализацией прав и обязанностей, предусмотренных данным нормативным правовым актом. А специальными субъектами, реализующими эти профессиональные права и обязанности, являются специалисты-генетики, поскольку именно им в первую очередь адресован данный закон.

Таким образом, субъекты генно-инженерной деятельности действуют в соответствии с требованиями нормативных предписаний, при этом на основе данных действий образуются соответствующие правовые связи. Наличие правовых рамок в виде законодательства и говорит о наличии в данном кейсе именно правоотношения с определенными субъективными правами и юридическими обязанностями.

В этой связи следует согласиться с мнением Р.О. Халфиной о том, что в правоотношении присутствуют три элемента: а) участники правоотношения; б) права и обязанности, их взаимосвязь; в) реальное поведение участников правоотношения в соотношении с правами и обязанностями. Сам же объект, по мнению Р.О. Халфиной, не является элементом правоотношения. Он имеет колоссальное значение для возникновения и развития видов правоотношений, но при этом не входит в их структуру, т.е. не является элементом этой структуры (Халфина, 1974).

Если проанализировать структуру любого вида геномного правоотношения, то обнаружится, что, по сути, любое правовое отношение обладает определенными характеристиками, взаимосвязанными между собой. Эти характеристики заключаются в следующем:

1) геномное правоотношение основано на взаимодействии лиц, что представляет собой конкретную связь между субъектами права (юридическими лицами и гражданами);

2) оно возникает на основе норм права, которые содержатся в законодательных и иных правовых актах, регулирующих деятельность с геномом;

3) существует конкретная социальная (общественная) связь между лицами посредством субъективных прав, принадлежащих в соответствии с нормами права одной стороне, и юридических обязанностей, принадлежащих другой стороне;

4) геномное правоотношение является волевым, ибо для его возникновения необходима сознательная воля его участников (как минимум хотя бы с одной стороны);

5) геномное правоотношение возникает по поводу реального блага, ценности, в связи с чем субъекты осуществляют принадлежащие им субъективные права и юридические обязанности;

6) геномные правоотношения охраняются и обеспечиваются государством. Возможно государственное принуждение к лицам, нарушающим права и обязанности в геномном правоотношении.

Вопросы этической безупречности

Геномные правоотношения в гораздо большей степени, чем все иные, базируются на этических категориях, составляющих основу нормативно закреплённого права. Это связано с уникальной природой геномных

отношений, их потенциальными последствиями для личности и общества. Важно, чтобы законодательство в области геномики и генетических исследований отражало и соблюдало эти этические принципы для обеспечения справедливости, защиты прав человека и эффективного регулирования этой важной области современной науки и медицины. Кроме того, этические нормы нуждаются в непрерывной детализации и уточнении в связи с научно-технической революцией, проходящей в современном мире, в том числе в связи с открытиями и достижениями в сфере генетики (Walters, 2012; Анисимов, Попова, 2020). Следует согласиться с мнением П.И. Люблинского, который отмечает, что «сложное поведение, контролируемое законодательством, не может держаться лишь элементарной угрозой принуждения или грубым устранением. Его опорой может служить только развитое этическое сознание» (Люблинский, 2010). Нравственность геномных правоотношений проявляется не только в их этической обоснованности, но и в этической безупречности субъектов этих правоотношений в сфере правового регулирования генома. Нравственная безупречность – в смысле соответствия поведения определенным этическим нормативам – составляет существенную часть медицинской этики, что является ее деонтологическим уровнем, или «деонтологической моделью» (Силуянова, 2001). Именно этическая безупречность субъектов геномных правоотношений позволяет обеспечить нравственное и правовое регулирование области геномики, защитить права и интересы всех участников и соблюдать принципы справедливости и безопасности. В связи с чем развитие и поддержание высоких этических стандартов и нравственности среди субъектов

геномных правоотношений играет ключевую роль в обеспечении этичности данной области. Только через соблюдение этих принципов можно достичь сбалансированного и устойчивого развития геномной медицины и генетических исследований. Нравственные начала геномных исследований стимулируют государство к формированию благоприятного правового климата для развития данной инновационной отрасли медицины (Герасимов, 2019).

Обоснованный риск и крайняя необходимость

Специальные знания одинаково важны и в сфере деятельности медицинского работника, и в сфере деятельности законодателя и правоприменителя, а также и заказчика-пациента (носителя геномных прав и юридических обязанностей). Разумеется, уровни этих знаний разные. Вот почему на первый план выступает этическая основа геномных правоотношений как фиксатор ценности человеческой жизни и ее достоинства. Само специальное знание, составляющее теоретический базис доктрины о геномном правоотношении, также должно трактоваться не совсем в привычном для традиционной правовой доктрины русле: это не только обоснованная, общезначимая, интерессубъективная знаковая система, оно в данном случае должно включать социально-философский, правовой, культурно-антропологический и этический аспекты (Берг, 2022). Безусловно, для заказчика главную роль в таком специальном знании будет играть именно этический аспект. Также возможен факт злоупотребления специальным знанием со стороны субъекта (участника) геномного правоотношения, оказывающего услугу. Широкая трактовка обоснованного риска в медицин-

ской деятельности должна быть исключена из российского законодательства в сфере геномных правоотношений. Исключение упомянутой широкой трактовки может помочь усилить защиту прав пациентов, обеспечивая им большую прозрачность и информированность в процессе генетических исследований и вмешательств. Это также может способствовать повышению качества оказываемой медицинской помощи и уменьшению негативных последствий от проведения геномных исследований.

Пока же приходится наблюдать обратный процесс. Сопряженность медицинской деятельности в сфере генома с возможностью негативного воздействия на организм пациента должна трактоваться, на наш взгляд, как квазиуголовная. В этой связи именно в практике реализации правовых связей по поводу генома необходимо отказаться от завуалированности от норм, что возникновение правоотношения по оказанию медицинской помощи практически всегда признается состоянием крайней необходимости, поскольку само обращение за такой помощью вызывается острой, насущной потребностью (Невзгодина, 2015). А.Л. Абрамов (2016) полагает, что при крайней необходимости существует одна цель – спасение жизни, и она достигается путем применения не апробированного препарата или нестандартных форм и методов лечения при условии, что угроза жизни человека не могла быть предотвращена иными способами. Но такие действия медицинских работников не могут, по мнению автора, трактоваться как пример обоснованного риска, который связан с применением уже известного средства, но вызывающего аллергию у пациента, но при этом использовать другое не представляется возможным. Отождествление простой

необходимости, возникающей при любом обращении пациента в медицинское учреждение, и крайней необходимости необоснованно ставит под угрозу важнейшие социально значимые блага, что вряд ли входило в намерения законодателя, регламентировавшего институт крайней необходимости в ст. 39 УК РФ (Крылова, Павлова, 2005; Малышева, 2020). При соблюдении врачом федеральных стандартов медицинской помощи и следовании предписанным требованиям и правилам по ее предоставлению не возникает ситуации обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ (Сариев, 2015). В связи с чем необходимо четкое определение риска возникновения негативных последствий для жизни и здоровья пациента при использовании широко применяемых и проверенных методов медицинской помощи и риска, связанного с проведением процедур и применением лекарств, эффективность и безопасность которых еще не полностью подтверждены.

Таким образом, нечеткость понятийно-терминологического аппарата в целом, применяемого в медицинской деятельности, абсолютно недопустима в сфере геномных правоотношений, где понятия «обоснованное решение» и «крайняя необходимость» должны иметь корректные значения и смысл, адекватный сфере их использования. Иначе логика дальнейшего развития геномных правоотношений может выстраиваться по ложному пути, когда отсутствие нормы ведет к признанию отсутствия проблемы.

Вопросы клонирования в контексте понятийно-терминологического аппарата

Клонирование человека запрещено в большинстве стран мира, Российская Федерация – не исключение, запрет на клонирование человека установлен в Федеральном законе от 20 мая 2002 года № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»². Существует «почти всемирный консенсус в отношении того, что репродуктивное клонирование несовместимо с человеческим достоинством и должно быть запрещено законом» (Кравец, 2023). Однако при этом терапевтическое клонирование продолжает существовать³. То есть действие законов не распространяется на клонирование иных организмов. Сейчас наибольший интерес вызывает допустимость клонирования эмбрионов, так как точки зрения законодательства многих стран мира эмбрион – это не жизнь, охраняемая законом. Не все разделяют мнение о том, что жизнь начинается в момент зачатия. Стоит обратить внимание, что в большинстве Основных законов национальных государств естественные права и свободы конституируются именно с момента рождения, например ст. 17 Конституции РФ. Терапевтическое клонирование заканчивается уничтожением эмбриона, но где правовые гарантии его уничтожения?

Самоконтроль и внутренней контроль не являются достаточными сдерживающими основаниями в сфере медицинской генетики. Нравственности и врачебной этики недостаточно. Чтобы не допустить

² Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/184467/>

³ Клонирование эмбрионов разделяется на репродуктивное (заканчивающееся появлением на свет ребенка) и терапевтическое (заканчивается уничтожением эмбриона).

со стороны врачей злоупотреблений, следует принимать ограничительные нормативные акты (Романовский, 2004). Получение лицензии на клонирование, выданное британским ученым в 2004 году, спровоцировало масштабное преступление⁴. «Это будет очередным примером того, как человеческий эмбрион, начало человеческой жизни, целеустремлённо создается с тем, чтобы его использовать и затем уничтожить» (Романовский, 2004). Этому объективно способствует разрушение ранее действовавшей цепочки «брак – сексуальный контакт – рождение ребенка». Официальная статистика такова, что каждый второй ребенок в России рождается вне брака. Официальная же статистика, сколько рождается детей искусственным путем, отсутствует. Это прямой путь к безответственности и безнаказанности. К сожалению, именно геномные правоотношения этим негативным факторам подвержены прежде всего. Напомним, что, принимая Нюрнбергские законы, фашисты руководствовались научным обоснованием, которое им представила генетика, а именно евгенические учения. Эуген Фишер, идеолог расовой политики, утверждал: «евреи – не «низшие», они – другие, евреи принадлежат к другому биологическому виду» (Мюллер-Хилл, 1997). Из этого следовал вывод о том, что они уничтожали «не людей». Масштаб преступлений, совершенных в период Второй мировой войны под знаменами евгеники, бросает тень на современную генетику, активно развивающуюся в настоящее время (Романовский, 2004).

Специфика геномных правоотношений

Специфика геномных правоотношений состоит в том, что в них переплетаются интересы межгосударственные, национальных государств, медицинских и научных организаций, а также интересы личности (заказчиков и пациентов) (Townend, 2018). Но объекты геномных правоотношений и «геномные» интересы очень близки между собой, но не тождественны. Между тем, по-прежнему нет единого мнения об элементах, составляющих круг объектов геномных интересов, а также о составе объектов геномных правоотношений. Также проблематичным представляется вопрос о геномных правах как абсолютных, при которых их содержание не зависит от воли законодателя. Например, право на жизнь, свобода совести, право на неприкосновенность жилища. Можно и нужно ли рассматривать геномные права в самом широком смысле, понимаемом как право на невмешательство в геномный облик человека, каким бы он ни был и являющийся имманентным компонентом права на жизнь, или же это относительное право, затрагивающее область отношений государства и личности, личности и общества, граждан между собой. С развитием биоюриспруденции и усилением внимания к правам пациентов в современном мире отношения в области здравоохранения приобретают все более важное значение. Важнейшим элементом геномного правоотношения является его содержание. Юридическое содержание рассматриваемого типа правоотношения составляют субъективное право и юридическая обязанность. Субъективное право

⁴ Лицензия на терапевтическое убийство. (2004, август 11). *Газета.ru*. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/2004/08/11/oa_129773.shtml

в юридической науке определяют как гарантируемые законом вид и меру возможного или дозволенного поведения лица, а юридическую обязанность — как вид и меру должного или требуемого поведения. В основе субъективного права в геномном правоотношении лежит возможность поведения для субъектов, а в основе юридической обязанности — необходимость такого поведения.

Структура субъективного права в геномном правоотношении имеет сложный характер и включает три элемента: право на собственное поведение лица; право требования действий юридически обязанных лиц; право на защиту своего правомочия в суде или иных правоохранительных органах. Как известно, Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵ взаимоотношения между пациентом и органами здравоохранения переведены из сферы регулирования административного права в сферу гражданско-правовых отношений. При этом законодатель, по-видимому, исходил из того, что пациент приобрел правовой паритет с другими участниками процесса медицинского обслуживания, став равноправным субъектом медицинского страхования. Создает ли это в действительности новые воз-

можности в области защиты прав пациента? Нам представляется, что нет, и в сфере геномных правоотношений такой подход выглядит преждевременным и может вызывать определенные сложности. Геномные правоотношения связаны с уникальными этическими, юридическими и технологическими аспектами, требующими особого внимания и регулирования.

Сегодня наши представления о правовой геномике складываются из:

- 1) информации, основанной на реальных манипуляциях с геномом человека;
- 2) нормативной информации, содержащейся в законах и подзаконных актах;
- 3) информации о юридической практике применения данных норм физическими и юридическими лицами, государством в лице его органов.

На текущий момент мы можем представить реальную правовую геномику как юридическую доктрину, которая находится еще на этапах формирования, а также как систему нормативно-правовых установлений. Последнее представляет из себя правовой фундамент, на основе и в пределах которого осуществляются многообразные реальные действия специалистов-генетиков, ученых-медиков, действия иных уполномоченных и заинтересованных субъектов по поводу генома человека⁶. При

⁵ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

⁶ Основные виды геномных правоотношений складываются на основе норм законодательства, содержащихся в федеральных законах, принятых в разное время Государственной Думой Российской Федерации (парламентом). К правовой базе геномных правоотношений можно отнести, помимо названных выше, Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека». Режим доступа: <https://base.garant.ru/184467/>; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах». Режим доступа: <https://base.garant.ru/71427992/>; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/> и др.

этом чаще всего эти действия облекаются в форму правовых отношений. Именно поэтому мы вправе сказать, что правовая геномика – суть геномные правоотношения, которые так же многообразны, как многообразны правовые отношения в жизнедеятельности человека.

Одним из основополагающих понятий правогеномной концепции является понятие геномного правоотношения, которое раскрывается как реальное, фактическое, возникшее в конкретной жизненной ситуации общественное отношение физических и/или юридических лиц, по поводу использования в форме исследования, применения, хранения гена особи человеческой популяции. Отношение по поводу генома приобретает правовую форму в результате урегулированности данного жизненного случая нормой права действующего закона, договором, судебным или административным актом (Ершов, 2020). Роль права в геномном правоотношении прежде всего заключается в том, чтобы установить дозволенные рамки действий и манипуляций с геномом.

Важной и при этом обязательной стороной геномного правоотношения являются субъекты, которых следует именовать «специальными субъектами» (Семеновых, 2021). Это преимущественно исполнители по соответствующим соглашениям на медицинские услуги лечебно-профилактического, медико-реабилитационного характера или иные научные исследования генома. В этом случае специальными

субъектами выступают юридические лица, которые должны обладать государственной лицензией на осуществление медицинских экспертиз, в том числе лицензией на проведение генетической экспертизы⁷. Условиями предоставления такой лицензии являются исполнение требований, предъявляемых к соответствующим помещениям, оборудованию и профессионально подготовленному персоналу. Последний должен обладать профессиональной квалификацией или специальной подготовкой, позволяющей квалифицированно осуществлять требуемую деятельность по поводу генома человека.

Другая сторона в геномном правоотношении – физические лица (заказчики), т.е. граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, нуждающиеся в медицинском обслуживании по поводу генома, научных исследованиях их генетического здоровья, благополучии их генетической жизнедеятельности.

Итак, геномное правоотношение – это разновидность общественных отношений, предметом регулирования которого является ген человека, множество технологических операций (действий, манипуляций) с которым разрешается (дозволяется, предписывается или запрещается) правом в соответствующей установленной форме. При этом роль права заключается в том, чтобы установить дозволенные рамки действий и манипуляций с геномом человека (пациента) для названных выше специальных субъектов (людей и организаций).

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385633/

Заключение

Биоюриспруденция, или правовая геномика, действительно представляет собой значительный и важный прорыв в области правовых знаний. Эта отрасль обеспечивает регулирование генетических отношений в различных сферах человеческой деятельности, от науки и здравоохранения до повседневной жизни с учетом этических, юридических и социальных аспектов (Vidalis, 2022). Её значение все более возрастает в условиях быстрого развития генетических технологий и новых вызовов, на которые нам предстоит найти ответы в рамках законодательства.

Сказанное выше позволяет заключить, что правовая геномика (биоюриспруденция) – преимущественно геномные правоотношения, которые возникают на основе законодательных норм права, регулирующих деятельность по поводу генома. На-

званные операции в большинстве своем осуществляются в трех сферах: в сфере науки, в области здравоохранения и в сфере повседневной, обыденной жизнедеятельности реального человека, т.е. потребителя геномных достижений, участника реальных правовых связей в области генома.

В рамках биоюриспруденции как отрасли права целесообразно развитие таких технологий, как клонирование, использование стволовых клеток, эвтаназия и геномный облик человека. Эти направления представляют собой сложные этические и юридические вопросы, требующие глубокого анализа, а в последующем и должного законодательного регулирования.

Таким образом, развитие биоюриспруденции является необходимым шагом для развития биомедицинских технологий в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов, А.Л. (2016). Обоснованный риск и крайняя необходимость в медицинской деятельности: проблема определения и разграничения. *Вестник российской правовой академии*, (1), 29–32. Режим доступа: [https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%E2%84%96%201_2016%20\(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E\).pdf](https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%E2%84%96%201_2016%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E).pdf)
- Анисимов, А.П., Попова, О.В. (2020). К вопросу об этико-правовых принципах в области геномных исследований. *Право и государство: теория и практика*, (9), 82–86.
- Берг, Л.Н. (2022). Формирование междисциплинарной правогеномной концепции. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, (4), 27–35. http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_27
- Берг, Л.Н., Лисаченко, А.В. (2024). *Правовое обеспечение безопасного использования генетической и геномной информации*. Москва: Юрайт.
- Герасимов, А.М. (2019). Нравственные пределы геномных исследований и биотехнологий как основа формирования правового пространства инновационной медицины. *Гены и клетки*, 14(2), 62–67. <http://doi.org/10.23868/201906021>
- Ершов, В.В. (2020). *Регулирование правоотношений*. Москва: РГУП.
- Корнев, В.Н. (2021). Биоюриспруденция – новое направление в праве и юридической науке XXI века. *Правосудие*, 3(4), 8–15.
- Кравец, И.А. (2023). Российское публичное право и биоюриспруденция в поисках биоэтического благополучия: этические и правовые аспекты в процессе конституционализации. В: *Научные труды. Российская академия юридических наук* (вып. 23, с. 147–158). Москва: Издательская

- группа 'Юрист'. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/file/event/7552/eid7552_attach_367f6876df76c028b96295cdd7e3da3e42bfd9b2.pdf
- Крылова, Н.Е. Павлова, Н.В. (2005). Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения. *Уголовное право*, (1), 41–44.
- Люблинский, П.И. (1906). *Свобода личности в уголовном процессе: меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия*. Санкт-Петербург: Сенатская типография.
- Малышева, Ю.Ю. (2020). Крайняя необходимость и обоснованный риск в медицинской деятельности: нерешенные вопросы. *Образование и право*, (1), 122–124.
- Мюллер-Хилл, Б. (1997). Генетика человека и массовые убийства. *Человек*, (4). Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MULHILL.HTM>
- Невзгодина, Е.Л. (2015). Проблема соотношения крайней необходимости и обоснованного врачебного риска при оказании медицинской помощи. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, (1), 126–130.
- Романовский, Г.Б. (2004). Евгеника и генетика: правовые аспекты. *Правоведение*, (4), 184–193.
- Сальников, В.П., Стеценко, С.Г. (2013). Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций. *Юридическая наука: история и современность*, (10), 190–197. Режим доступа: http://fonduniver.ru/wp-content/uploads/2019/08/un_2013_10-pb-1.pdf
- Сариев, О.М. (2015). Обоснованный риск в медицинской деятельности и условия его правомерности. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, (5), 246–251.
- Семеновых, А.Е. (2021). Гносеологические вопросы исследования субъекта и объекта правовой охраны в геномных отношениях. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*, 25(4), 872–887. <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-872-887>
- Силуянова, И.В. (2001). *Биоэтика в России: ценности и законы*. Москва: Грантъ.
- Халфина, Р.О. (1974). *Общее учение о правоотношении*. Москва: Юрид. лит.
- Colussi, I.A. (2019). Biolaw and 'the dual-use dilemma': The freedom of scientific research in relationship with 'traditional' and emerging sciences and technologies. In: *Biolaw and Policy in the Twenty-First Century: Building Answers for New Questions* (pp. 239–255). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05903-3_16
- Rendtorff, J.D. (2023). Foundations of Bioethical Decision-Making in Bioethics and Biolaw. In: *Handbook of Bioethical Decisions. Volume II: Scientific Integrity and Institutional Ethics* (pp. 289–310). Cham: Springer International Publishing. http://doi.org/10.1007/978-3-031-29455-6_19
- Smolensky, K.R. (2006). Defining life from the perspective of death: an introduction to the forced symmetry approach. *University of Chicago Legal Forum*, 2006(1), 41–86. Available at: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1387&context=ucf>
- Townend, D. (2018). Conclusion: harmonisation in genomic and health data sharing for research: an impossible dream? *Human genetics*, 137(8), 657–664. <https://doi.org/10.1007/s00439-018-1924-x>
- Vidalis, T. (2022). *The Emergence of Biolaw. The European Experience and the Evolutionary Approach*. Berlin/Heidelberg, Germany: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-02359-0>
- Walters, L. (2012). Genetics and bioethics: how our thinking has changed since 1969. *Theoretical Medicine and Bioethics*, 33(1), 83–95. <http://doi.org/10.1007/s11017-012-9210-8>

REFERENCES

- Abramov, A.L. (2016). Reasonable risk, and an urgent need for medical activities: problem definition and delimitation. *Bulletin of the Russian Law Academy*, (1), 29–32. Available at: [https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B-D%D0%B8%D0%BA_%E2%84%96%201_2016%20\(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E\).pdf](https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B-D%D0%B8%D0%BA_%E2%84%96%201_2016%20(%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E).pdf) (In Russ.).
- Anisimov, A.P., Popova, O.V. (2020). The issue of ethical and legal principles in the field of genomic research. *Law and State: The Theory and Practice*, (9), 82–86. (In Russ.).

- Berg, L.N. (2022). Formation of an interdisciplinary genomic legal theory. *Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*, (4), 27–35. (In Russ.). http://doi.org/10.34076/22196838_2022_4_27
- Berg, L.N., Lisachenko, A.V. (2024). *Legal support for the safe use of genetic and genomic information: a textbook for universities*. Moscow: Urait Publ. (In Russ.).
- Colussi, I. A. (2019). Biolaw and 'the dual-use dilemma': The freedom of scientific research in relationship with 'traditional' and emerging sciences and technologies. In: *Biolaw and Policy in the Twenty-First Century: Building Answers for New Questions* (pp. 239–255). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05903-3_16
- Ershov, V.V. (2020). *Regulation of legal relations*. Moscow: Russian State University of Justice. (In Russ.).
- Gerasimov, A.M. (2019). Moral limits of genomic research and biotechnology as the basis to form a legal space of innovative medicine. *Genes & Cells*, 14(2), 62–67. (In Russ.). <http://doi.org/10.23868/201906021>
- Khalфина, R.O. (1974). *General doctrine of legal relations*. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. (In Russ.).
- Kornev, V.N. (2021). Biojurisprudence is a new direction in law and legal science of the XXI century. *Justice*, 3(4), 8–15. (In Russ.).
- Kravets, I.A. (2023). Russian public law and biojurisprudence in search of bioethical well-being: ethical and legal aspects in the process of constitutionalization. In: *Academic works. Russian Academy of Legal Sciences* (is. 23, pp. 147–158). Moscow: Publishing group 'Yurist'. Available at: https://lomonosov-msu.ru/file/event/7552/eid7552_attach_367f6876df76c028b96295cdd7e3da3e42bfd9b2.pdf (In Russ.).
- Malysheva, Yu.Yu. (2020). Edge need and reasonable risk in medical activity: unresolved issues. *Education and Law*, (1), 122–124. (In Russ.).
- Lyublinskii, P.I. (2010). Freedom of the individual in criminal proceedings: measures to ensure that the accused does not evade justice. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya. (In Russ.).
- Müller-Hill, B. (1997). Human genetics and mass murder. *Chelovek*, (4). <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/MULHILL.HTM>. (In Russ.).
- Nevzgodina, E.L. (2015). The problem of the correlation of the absolutely necessary and reasonable medical risk in health care. *Herald of Omsk University Series 'Law'*, (1), 126–130. (In Russ.).
- Rendtorff, J.D. (2023). Foundations of Bioethical Decision-Making in Bioethics and Biolaw. In: *Handbook of Bioethical Decisions. Volume II: Scientific Integrity and Institutional Ethics* (pp. 289–310). Cham: Springer International Publishing. http://doi.org/10.1007/978-3-031-29455-6_19
- Romanovsky, G.B. (2004). Eugenics and genetics: legal aspects. *Pravovedenie*, (4), 184–193. (In Russ.).
- Sal'nikov, V.P., Stetsenko, S.G. (2013). 'Biojurisprudentsiya': the problem of differentiation from similar legal structures. *Legal science: history and the presence*, (10), 190–197. Available at: http://fonduniver.ru/wp-content/uploads/2019/08/un_2013_10-pb-1.pdf. (In Russ.).
- Sariev, O.M. (2015). Justified risk in medical activities and the conditions for its permissibility. *Tambov University Review. Series: Humanities*, (5), 246–251. (In Russ.).
- Semyonovikh, A.E. (2021). Epistemological issues of research of the subject and object of legal protection in genomic relations. *RUDN Journal of Law*, 25(4), 872–887. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-872-887>
- Siluyanova, I. V. (2001). *Bioethics in Russia: values and laws*. Moscow: Grant Publ. (In Russ.).
- Smolensky, K.R. (2006). Defining life from the perspective of death: an introduction to the forced symmetry approach. *University of Chicago Legal Forum*, 2016(1), 41–86. Available at: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1387&context=ucflf>
- Townend, D. (2018). Conclusion: harmonisation in genomic and health data sharing for research: an impossible dream? *Human genetics*, 137(8), 657–664. <https://doi.org/10.1007/s00439-018-1924-x>
- Vidalis, T. (2022). *The Emergence of Biolaw. The European Experience and the Evolutionary Approach*. Berlin/Heidelberg, Germany: Springer.
- Walters, L. (2012). Genetics and bioethics: how our thinking has changed since 1969. *Theoretical Medicine and Bioethics*, 33(1), 83–95. <http://doi.org/10.1007/s11017-012-9210-8>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Олег А. Пучков, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Oleg A. Puchkov, Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation.